

Сергей Ромоданов

«Человек — это звучит гордо!».

М. ГОРЬКИЙ.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ впечатления живы в нем с детства. Он рос в актерской семье. Вот, совсем мальчиком, он звонко декламирует под аккомпанемент матери-актрисы. Первый раз приходит в театр...

Когда определяется призвание? Может быть, в те дни, когда сверстники избирают его председателем театрального клуба гимназистов и реалистов, и он решает организовать необыкновенный театр с устремлениями куда более поаторскими, чем в молодом МХАТе? А может, когда в спектакле профессионального театра случайно пришлось заменить старика-суфлера и получить признание старших?

Нет, театр — не моя стихия, настойчиво убеждал он себя. Держал экзамены в политехнический институт, твердо решив стать инженером. Успешно закончил первый курс и... сбежал в театр. Так в Бакинской художественной мастерской-студии режиссера Арзамасова, где занимались в свободное время рабочие и студенты, появился молодой человек, обнируживший незаурядные способности к театральному искусству. Шел последний год гражданской войны. В городе свирепствовали «олод и холера. Закрывались театры. Маленький коллектив Арзамасова держался сплоченно, умудряясь в трудной обстановке ставить революционные действия. Наконец удалось выхлопотать военный литер на поезд и эвакуироваться. Путь в «хлебный город» Ташкент был нелегким. Но именно с этой поездки и начались театральные странствия Ромоданова. Его первыми зрителями были бойцы и командиры Красной Армии, смуглые узбеки, впервые увидевшие театр, и первые граждане только что образованной Хорезмской республики, собравшиеся в выстроенном на скорую руку глиняном театре.

Режиссеры видели в Ромоданове характерного актера — в двадцать лет он играл стариков. Роли требовали большой наблюдательности, острого и точного деталей. Это помогло в будущем, когда психологически сложные роли требовали искусства переоплощения и приходилось искать скупые и меткие черточки. А в те годы пришлось сменить не один десяток гримов, окладистых бород, прежде чем режиссер не сказал, наконец: «Незаметные герои — не для Ромоданова!».

И в самом деле, его склонность к открытой героике, к открытой театральности и пафосу так бросалась в глаза, что растворять актера в массе, прятать его богатые природные данные становилось невозможно, да и было бы ошибкой. На его героях лежала печать незаурядности, они были скульптурны и рельефны.

Вскоре Ромоданова узнали театры Сибири и Урала, где он работал несколько лет. Некоторое время Сергей Дмитриевич занимался режиссурой, и это тоже не прошло бесследно для его творчества, ибо научило работе с людьми, с драматургическим материалом. Он ставил классиков и современников, очень увлекался Горьким.

Настоящий художник не похож на других. У него все свое — мысль,

стиль, краски, творческий метод. Когда на Волковской сцене появляется Ромоданов, о нем говорят, прибегая к терминологии смежных областей искусства: «Мажорно. Сочно. Густо. Герончно, монументально». А главное — человечно. Недаром в горьковской драматургии актер более всего ценит великий гуманизм, мудрость, глубокое проникновение в душевный мир человека. И стремится отразить это в своем творчестве. В Ярославль Ромоданов пришел уже опытным актером. И

прослушивает работу, которая стала этапной в его творчестве.

— Мой Булычов — философ, — рассказывает Ромоданов. — Он не согласен с тем бытом, укладом жизни, который ему определила судьба. И мужественно борется с этим укладом. «Не на ту улицу попал» — вот где его трагедия. Мой Егор знает, что сделанное им погибнет, пойдет прахом, бунтует, по революцию считает спасением страны. Я Булычова делал контрастно, резкими мазками. Страсть так страсти! Любовь так любовь! А нежность — испепеляющая! Это цельная натура с упорным, упрямым характером.

Совсем недавно мы увидели еще одну работу Ромоданова — Егора и горьковских «Детей солнца». Слесарь Егор явился открытием и театра, и актера. Обычно театры не заостряют внимание на этом образе, считая его почти эпизодическим. Столкновение слесаря Егора и ученого Протасова стало центральным конфликтом в спектакле Волковского театра. Под шумом грубости и невежества в Егоре Ромоданова скрывается человек большого сердца. В какой-то момент мы инстинктивно, как загорается глубокой теплотой его огромные обожженные глаза, а недоверчивость сменяется душевной лаской. В за-

масленном фартуке, в рубашке, порванной на спине, в мятых широких шаронарах — стоит человек огромной жизненной силы, недюжинного здоровья, — фигура сценически величественная, сразу же подавляющая яркого Протасова своей внутренней силой, правдой, талантом рук и сердца.

Человек труда, Егор по-настоящему ценит труд ученого Протасова, разбирается в его чертежах, чувствует красоту его творческих устремлений. «Он такой ловкий», говорит о нем Протасов, которому необходимы золотые руки и светлая голова этого мастера. Да и сам Егор чувствует, что талантлив и держится с достоинством. А когда Протасов начинает деликатно «леять со своим уставом» в его «монастырь», уличить слесаря, не желая знать никаких причин, руководствуясь «общечеловеческой» моралью, — тот, только что чувствующий себя человеком, талантливым, способным сделать полезное людям, оскорблен при людях, которые смотрят на него со страхом, как на темного, необузданного и жестокого зверя. Обиже-

на и бунтует душа. Егор Ромоданова ощущает огромное несоответствие между красивой правдой Протасова и горькой правдой собственного существования.

— Человек я или нет? — допытывается он у Протасова и, повалившись на ступеньку лестницы, тяжело плачет. Так завязывается конфликт спектакля, так Ромоданов ставит вопрос об «униженных и оскорбленных», которые еще не знают, кого бить, но придет время, узнают, и «дети солнца» получат сполна, по заслугам. И если Егор сейчас берет в руки дубину стихийно, бунтарски, то потом делает это осознанно.

Города, голы, театры... Страна, которую Ромоданов знает от края и до края, ее люди, широта волжских просторов — вот истоки творчества Ромоданова, характеров его героев.

«Русский характер! Подди-ка, опиши его... Рассказывать ли о героических подвигах? Но уж столько, что растеряешься, который предпочесть...».

А. ТОЛСТОЙ.

Каждая роль — открытие, говорят об игре Ромоданова.

Палитра Ромоданова богата самыми неожиданными красками, в его репертуаре — люди разнообразнейшие, с разными судьбами. Совсем недавно Ромоданов порадовал ярославцев свежим, современным прочтением Мамаева из «Мудреца» Островского, показав тип будто бы безобидный, мягкий. Мамаев — этаким старым плут и тонкий политик, любящий поучать, наставлять невероятно, человек опасный, себе на уме, но чрезвычайно приятный и обходительный в манерах. Ходит смешно семеня, с предостерегающим указующим перстом и делает вид, что ничто его не касается.

А Прозоров из «Палаты» Алешина? Ромоданов показывает нам современного обывателя, «кандидата из партии», которые подчас встречаются в жизни.

При всем разнообразии красок, образов, вероятно, можно проследить ясную и четкую линию поисков и развития главной для Ромоданова темы творчества. Источником его творческой силы — в богатстве жизненных наблюдений, впечатлений, раздумий. Ему есть о чем рассказать, чему научить, и он упорно ищет роли, дающие возможность «высказаться», рассказать о людях, среди которых жил и работал и чья судьба его глубоко взволновала.

Как формировался героический русский характер в творчестве актера?

Во время работы над спектаклем «Петр I», где Ромоданов исполнял центральную роль, ему пришлось встретиться с Алексеем Толстым, автором пьесы. О Петре Толстой рассказывал ярко, необычайно. Перед актером встал образ определенный, энергичнейший, полный противоречий, сложный. Надолго запомнил Ромоданов гипсовую посмертную маску Петра Великого, хранившуюся у Толстого под стеклом, его огромную голову, высокий мужественный лоб. Вздвонванный от встречи с Толстым, вернулся Ромоданов в Ярославль.

В кожаном фартуке молотобойца появлялся Петр Великий на сцене,

могучим телосложением, силой своей, рабочей сметкой и умом поражал и покорял кузнецов, которые не могли сравниться с ним в умении работать молотом. Воедино слились в ромодановском Петре — властный характер преобразователя и юмориста, азарт и экспрессия, ум и воля. Через борьбу и страдания народные вел Петр к победе русского государства. В финале, крепко упершись ногами в палубу русского корабля, Петр стоял громадный, могучий.

«Увенчали мы наше отечество славою», — говорил он. — И корабли русские плывут уже по всем морям. Не напрасны были наши труды, и поколениям нашим надлежит славу и богатство отечества родного берець множить!».

Надо ли говорить о той патриотической силе звучания, которой отличался спектакль в годы Великой Отечественной войны! От Петра брали свое начало и образы наших военачальников, которых немало довелось играть Ромоданову, и славных наших солдат. Человек в военной гимнастерке, появляющийся на сцене, высокий, плечистый, с уверенным взглядом и запоминающимися чертами лица, приносил в зал приподнятое настроение. В те дни актер много беседовал с бойцами и командирами Советской Армии, и его герои вбирали в себя крупницы ценого и дорогого в этих людях, несли на сцену дым боев, трудную солдатскую долю. Сафонов из «Русских людей» Симонова, Сергей Луконин — «Парень из нашего города», Огнев из спектакля «Фронт» ассоциировались в воображении зрителей с именами героев, о чьих подвигах рассказывали радио и газеты. Задача актера была нелегка — помогать приближать победу.

В послевоенные годы Ромоданов продолжал работать над образами наших современников. О них можно сказать словами его героя проруба Балужева: «Счастье мое в том, что строителем стал. Строитель — главная на земле специальность».

Строитель человеческих душ — отец большого семейства Плахов, в трудную минуту сумевший сохранить твердость и закалку старого бойца, сберечь семью.

Строитель — председатель горсовета Терентий Медведев («Хозяева жизни»), с его радостями и горестями, с ответственной, не терпящей ни малейших ошибок в человековедении, работой. Многие придется пересмотреть и перестроить в своем характере Медведеву Ромоданова, прежде чем он вернется к прежнему, честному и непримиримому коммунисту Медведеву.

Одна из последних работ Сергея Дмитриевича — генерал Панфилов в спектакле «Панфиловцы». Беспощадный к врагу и по-отцовски улыбающийся молодому бойцу, с непрестанной заботой о людях, о Родине — таков Панфилов.

Для своих товарищей, волковцев, Ромоданов долгое время был не только старшим по возрасту, опытным актером, но и секретарем парт-организации, добрым другом, советником. Теплым словом умеет он помочь молодому актеру поверить в себя, обрести свою индивидуальность, направить на верный путь. И сам не терпит компромиссов с собственной совестью.

Большой актер думает о большой драматургии, о характерах, выплывших рукой подлинного мастера.

М. ВАНЯШОВА.
Фото автора.

Народный артист РСФСР С. Д. РОМОДАНОВ в роли Плахова («Семья Плахова»).

все-таки непрестанно учился. Да и как было не учиться, скажем, у знаменитого сценического горьковца Ивана Ростовцева?

Перед самой войной кинорежиссер Григорий Рошаль пригласил Ромоданова на роль Ильи Артамонова в кинофильме «Дело Артамоновых». Это был первый опыт актера в кино. «Когда видишь на экране этого страшного человека, человека огромной физической силы, чудовищной веры в себя и волнующей воли», писал о фильме Федор Гладков, — «как-то сами собой приходят на память мощные создания Микельанджело — его скульптуры и фрески. У Ильи Артамонова — неумная и бурная энергия. Она сокрушает все на своем пути — слепо, походя, жадно... Прекрасно играет старика Артамонова артист Ромоданов».

Этот кинофильм можно увидеть и сейчас и подивиться игре замечательного актера. А вот спектакль... Актеры, как и зрители, вынуждены расстаться с любимыми образами, стоит спектаклю сойти с афиши. С любимым своим Егором Булычовым Ромоданов не расстается. Он бережно хранит запись спектакля, в котором сыграл центральную роль, часто

Воспоминания Ромоданова, 1986, 5 мая